

И мир предстаёт в красках

Уроки рисования в школе, где я училась, не любили. И теперь я знаю почему. У нашего учителя не было таланта, таланта педагога. Тоска и уныние исходили от серых, крашенных масляной краской цилиндров, шаров, конусов, когда он приносил их в класс, бесстрастно ставил на свой учительский стол. Мы рисовали их весь год, не зная толком, для чего их рисуем, для чего нужно изображать такие же серые и скучные тени и полутени, которые отбрасывали предметы. Иногда, правда, они сменялись яблоками из парафина или помидорами, но эмоционального взрыва при этом не происходило, было по-прежнему неинтересно. Став взрослее, мы поняли, что у изобразительного искусства есть свои законы, приёмы, своя азбука — её мы так неудачно проходили в школе. Может быть, детей, которые не любят читать, так же скучно учат алфавиту?

С некоторой завистью и с радостью тоже я рассматривала рисунки ребят из седьмой школы, которые показывала мне Римма Ивановна Васильева. В кабинете рисования они отобраны и наклеены по темам. У них в школе, в зале искусств — есть такой зал — устраивают постоянно выставки детских рисунков, сделанных на уроках рисования, потом они хранятся. Вот портреты мам — они тоже были на выставке, рядом с каждым портретом — сочинение «Моя мама». Мамы приходили в школу, узнавали себя и радовались. А что это? «Фея бабочек пред вами кружит в танце этом, осень грустную встречая и прощаясь с летом». Стихи, и ещё стихи, и, конечно, рисунки: «Благодарю я лето за солнечный рассвет, за лунные дорожки, за звёзд весёлый свет». Писать стихи на уроках рисования мне, к сожалению, не приходилось, а у Риммы Ивановны ребята пишут, значит, есть настроение — и рисовать, и стихи писать.

Ребята этой школы, те, кто занимается в кружке декоративно-прикладного искусства, вместе с Риммой Ивановной ходят в походы, собирают старинные вещи, есть у них кладовочка такая интересная — там всё хранится — утюги, самовары, лапти. Они зарисовывают узоры резных наличников. Мне неудобно повторяться, об этом мы писали недавно. Я, собственно, вот о чём. Был у них поход «Где живёт сказка?» — когда ходили в Горки, в гости к Зазнобину — мастеру вырезать деревянные игрушки. Радостно сознавать, что сказка живёт в самих ребятах и помогает сохраниться ей добрый и умный педагог Римма Ивановна. Помните? По коробу баба помела, по сусекам поскребла — намела муки горсти две, испекла колобок. А может быть, маком посыпала, так вкуснее — про то сказка молчит. Вот он — колобок — жёлтый, румяный, маком обсыпанный катится, катится по дорожке.

— Про мак я не говорила, — смеётся Римма Ивановна.

Это фантазия подсказала, разбуженная фантазия ребёнка. У них под каждым рисунком ставится подпись: художник такой-то. Художник — потому что своё собственное представление, свой образ.

— Когда рисовали на тему Куликовской битвы, я много рассказывала ребятам, читала, и рисунки получились интересные, содержательные.

Рисунки, аппликации, мозаика, и снова рисунки — их множество. Можно предположить, что это школа для особо одарённых, так ведь нет, обычная школа, обычные дети, только занимаются все с увлечением. Увлечение — вот ключ, которым открывается ларчик с талантами. Перебираю, рассматриваю — и вижу что-то до боли знакомое — серые тени, серые бока: цилиндры, конусы, и они здесь! Те же и не те. Словно горох из горсти высыпали на лист маленькие человечки, как их рисуют — точка-головка, ручки, ножки, огуречик — пляшут, скатываются вниз по шероховатым, заштрихованным бокам нелюбимых мною с детства предметов, карабкаются по нарисованным маленьким лесенкам. На некоторых бантики.

— Мы тоже рисуем и цилиндры, и шары, и конусы, это необходимо. А потом я говорю ребятам: «А теперь изобразите, чем бы вы хотели заняться на перемене?» И начинается... Хотя это и не просто забава, которая разряжает обстановку, это приём. Показываем объём предмета, изображаем позы человека.

Римма Ивановна много сил отдаёт работе, это видно, об этом говорят и её коллеги-учителя. Прекрасно оборудованный и оснащённый кабинет почти полностью дело её рук, он один из лучших в области. Не заметишь штор затемнения на окнах — так искусно они замаскированы. А светлые занавески украшены жар-птицами — одна из первых работ кружка, работа, во время которой девочки сразу привыкли друг к другу, объединились делом. А потом в кружке уже стали лепить из глины игрушки, разрисовывать их.

Увлечённость работой с детьми, скорее всего, не оставляет времени, чтобы создавать что-то непосредственно самой, дома, в уединении. Но все свои замыслы Римма Ивановна реализует через своих учеников. Возникает мысль, родится образ — и не даёт покоя. Так возник замысел композиции «Менуэт». Девочка, с которой они сделали фигурки дамы и кавалера, уже кончила школу, но замысел остался, сложный замысел, его продолжают другие ребята и будет бал, а на балу, естественно, танцуют, и все разные: добрые, сердитые, завистливые, лёгкие, грузные. И где-то там, возможно, будет Золушка, стремительная, счастливая...

Но кроме художественных образов существуют и будничные заботы. Надо, например, хлопотать на кирпичном заводе насчёт глины, насчёт обжига поделок, а заводу это в план, как говорится, не впишут, ему неинтересно. Оформить бы эти отношения между заводом и школой, чтобы не выглядеть просителем с протянутой рукой, большая бы проблема была решена.

Но несмотря ни на что — вперёд, только вперёд. Если у вас дома разбилась чашка или тарелка — не выбрасывайте. Это к счастью — она нужна школе для мозаики, уже есть на этот счёт определённые мысли. Мечтает Римма Ивановна о поездке на Дымковский комбинат, о том, что у них будет свой музей и много ещё о чём. И я мечтаю вместе с Риммой Ивановной. О том, чтобы взяла она меня к себе в первый класс учиться рисованию. Я знаю, сейчас идут споры о том, как вести уроки изобразительного искусства в школе, какой методики лучше придерживаться, больше давать теории или «лирики». Не знаю, что выйдет на первый план, но у Риммы Ивановны никто не будет скучать на уроках.